

УДК 347.51**Некоторые вопросы применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»****Сафин Талгат Ильнарович**

Аспирант,
кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 30-32;
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

Аннотация

В статье показано, что Устанавливая субсидиарную ответственность в банкротстве для лиц, «извлекавших выгоду» от взаимоотношений с должником, который имеет признаки объективного банкротства, законодатель оставляет без должного внимания ключевые аспекты данной правовой конструкции. На сегодняшний день отсутствует четкое определение понятия «выгодоприобретатель», что вызывает множество вопросов у практикующих юристов и участников гражданского оборота. Верховный Суд РФ предоставляет лишь абстрактные разъяснения, которые не охватывают все возможные ситуации, возникающие на практике. Это создает значительный риск привлечения к ответственности добросовестных участников, которые не имели намерения причинять ущерб кредиторам. Неопределенность в правоприменении может привести к произвольным решениям со стороны судов и правоохранительных органов, что, в свою очередь, подрывает стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Таким образом, отсутствие конкретизации выгодоприобретателя не только затрудняет правоприменение, но и создает предпосылки для нарушения конституционных прав граждан, что требует внимательного анализа и доработки законодательства в данной области.

Для цитирования в научных исследованиях

Сафин Т.И. Некоторые вопросы применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 419-428.

Ключевые слова

Принцип формальной определенности закона, «извлечение выгоды», вывод активов должника, субсидиарная ответственность в банкротстве, пробелы в законе, проблемы доказывания.

Введение

Подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве устанавливает правило, согласно которому «пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо... извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации». При этом значение понятия «извлечение выгоды» законодатель не разъясняет. В Постановлении Пленума от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» Верховный Суд РФ приводит понятные примеры договоров на заведомо невыгодных для должника условиях, с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, сделок с созданием такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение доходов должника в пользу других лиц из аффилированной с ним группы компаний. Но эти примеры не позволяют обозначить генеральные правила, способные конкретизировать фигуру выгодоприобретателя как субъекта субсидиарной ответственности. Конституционный Суд РФ не стал оценивать конкретность содержания понятия «извлечение выгоды», а сместил акцент на цель включения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 в Закон о банкротстве («указанное положение служит обеспечению как определенности понятия «контролирующее должника лицо», так и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения») (Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 « 657-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Хайчук Натальи Олеговны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетних детей подпунктом 3 пункта 4 и пунктом 5 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Вопрос наличия статуса выгодоприобретателя у лица, выступавшего звеном в цепочке недействительных сделок (по выводу активов должника), оставлен Конституционным Судом РФ без рассмотрения в Определении от 21.11.2022 № 3118-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Ресурс-Медиа" на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"».

Введенное Постановлением № 53 ограничение действия нормы только случаями извлечения «существенной выгоды» (относительно масштабов деятельности должника), с одной стороны, оставляет незначительные злоупотребления безнаказанными (фактически ограничиваясь реституцией), а с другой стороны, не дает разъяснений по сделкам, критически для должника важным. Понятно, что Верховный Суд РФ, устанавливая признак существенности, имел в виду способность сделки повлиять на объективное банкротство должника, но здесь мы рассматриваем вопрос в контексте необходимости полноценного информирования о существенных признаках объективной стороны правонарушения. Стоимость выведенного актива формально таким признаком являться может, но представляется концептуально неправильным формировать мышление участников оборота, допускающего совершение мелких и средних правонарушений. С.С. Алексеев прав, соглашаясь с тем, что отсутствие должным образом установленного состава правонарушения влечет за собой гражданскую безответственность [Алексеев, 2010, 477-478].

Приведенное в том же постановлении толкование термина «выгода» (как «увеличение (сбережения) активов») в силу своей широты научного и практического интереса не представляет. Как указывает Конституционный Суд РФ, «негативный эффект от использования

законодателем неопределенного понятийного аппарата усиливается произвольным толкованием этих понятий правоприменительными органами» [Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля, [www](http://www.kccrf.ru)].

Основная часть

Не останавливаясь на безвозмездных сделках в пользу выгодоприобретателя (где получение выгоды очевидно), отметим, что в целях квалификации действий выгодоприобретателя по подпункту 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве грамматически имеются все основания для широкого понимания понятия «выгода». Конституционный Суд РФ устанавливает грамматическое толкование в качестве исходной точки интерпретации закона, указывая, что «толкование грамматическое (буквальное, лингвистическое; «правило явного смысла» / «the plain meaning rule»), предлагает исходить из общепринятых значений используемых понятий при условии, что конечный результат при таком толковании не будет абсурден (так называемый «порог абсурдности» / «absurdity limit»)» [там же].

Так, например, получение выгодоприобретателем имущества от должника (в счет ранее возникшего долга) по соглашению от отступном под определение понятия «извлечение выгоды» вполне подходит. В случае, если такого погашения задолженности по отступному не произойдет, по результатам рассмотрения судом дела о банкротстве (как показывает практика) полного исполнения обязательств должника скорее всего не случится. По официальной статистике, непривилегированные кредиторы банкротства в среднем взыскивают по 6% от номинала долга [Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса, [www](http://www.frs.ru)]. Получая по отступному (пусть даже через суррогат исполнения) 100% задолженности, кредитор очевидно, выгоду от сделки получает.

При этом нельзя не отметить проявленную законодателем чрезмерную лапидарность в регулировании вопроса. Как справедливо отмечает Д.В. Дождев, «в общественном сознании право совпадает с формами его фиксации и выражения – позитивным правом (законом)» [Дождев, 2021, 8], законы обеспечивают определенность права, исключая произвол» [Дождев, 1996, с. 84]. Встречая в законе слово «выгода», далеко не каждый кредитор (принимая отступное в счет долга) посчитает себя выгодоприобретателем. Факт просрочки (а она бывает значительной), очевидные неудобства, продажа с дисконтом и дополнительные расходы, связанные с реализацией предмета отступного, в понимании такого кредитора чаще всего свидетельствуют об убыточности сделки, но не о получении выгоды. Конечно, как писал О.С. Иоффе, «гражданский закон не может быть абсолютно беспробельным» [Иоффе, 2003, 154]. С ним соглашается С.С. Алексеев, который, в свою очередь, отмечает, что «право по самой своей природе... "обязано быть живым" – немедленно и адекватно реагировать на разнообразные жизненные ситуации. Закон же, при всех его достоинствах, в том числе его способности с помощью нормативных обобщений охватывать множество жизненных обстоятельств настоящего и будущего, не в состоянии, все же, давать в каждое данное мгновение идеальный, математически отработанный типизированный эталон (норму) для решения развивающихся отношений, для нередко непредсказуемых, порой уникальных ситуаций в нашей бурной, непрестанно меняющейся жизни. История при всех замечательных образцах законодательного искусства еще не знает ни одного примера закона, который в полной мере, по всем пунктам отвечал бы требованиям «живого права», смог бы и «на сейчас» и на будущее давать точные, исчерпывающие ответы на все вопросы. Не знает и, по моему

убеждению, в идеале никогда не будет знать» [Алексеев, 1999, 117].

Но, представляется, что в рассмотренном нами примере, когда кредитор подпадает не просто под реституцию, а оплачивает требования всего реестра кредиторов должника (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве), лаконичность законодателя все же оправданна быть не может. Тот же С.С. Алексеев отмечает следующее: «Текст закона должен выразить непростые, нередко весьма сложные юридические понятия. Вместе с тем законы пишутся для людей. Вот и приходится законодателю, добиваясь максимальной строгости и точности юридических понятий, одновременно стремиться к доходчивости, простоте и ясности изложения» [Алексеев, 1999, 112]. Относительно понятий оценочных следует согласиться с И.В. Горбашевым, который объясняет их изобилие (в том числе в банкротном праве) спецификой частноправового регулирования, нуждающегося в гибких подходах к различным правовым ситуациям [Горбашев, 2018, 154-202]. Как отмечает С.А. Степанов, ««пробелы», например, в гражданском праве – сама его сущность, выражающаяся в стремлении частного права к все большим «свободным зонам»» [Степанов и др., 2001, 329]. Х. Коциоль развивает эту мысль, отмечая, что «частное право представляет собой очень сложную систему, а факты, которые должны быть приняты законодателем во внимание для целей регулирования, многочисленны. По этой причине задача законодателя чрезвычайно трудна, и он на постоянной основе вынужден принимать решения о том, как наилучшим образом разработать положение закона. Европейские законодатели, как правило, используют в этом отношении два различных метода: с одной стороны, жесткие, детализированные нормы, с другой – общие, эластичные нормы, задача конкретизации которых возлагается на суды» [Коциоль, 2016, 246-267]. Однако к определению понятия «выгода» второй подход сложно признать допустимым. Выполняющая превентивную [Суханов, 2019, 521] функцию деликтного права (по модели «карательной сверхкомпенсационной защиты» [Карапетов, 2016, 292-293]) субсидиарная ответственность в банкротстве (та ответственность, которая не погашается даже при личном банкротстве гражданина по абзацу 1 пункта 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве) не должна предполагать чрезвычайно широкую неконкретизированную диспозицию, фактически полностью передающую вопрос к дискреции суда (особенно в ситуации, когда, по справедливому замечанию В.Г. Голубцова [Голубцов, 2020, 248-273], на судебское усмотрение фактически передан и вопрос установления момента объективного банкротства должника, с датой которого связаны повышенные риски выгодоприобретателя по несению субсидиарной ответственности). В одном из дел Верховный Суд РФ распространил и без того максимально емкий по своему содержанию термин выгода на «выгоду потенциальную» (не только фактически полученную) (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2,3) по делу № А56-26451/2016).

При этом следует признать, что не всегда расширительное толкование приводит к решениям несправедливым. Так, в Определении от 06.08.2018 Верховный Суд РФ обоснованно привлек к субсидиарной ответственности лицо, получившее выгоду лишь «косвенно» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу N А22-941/2006). В другом случае на уровне абстрактных разъяснений пункта 7 Постановления № 53 субъект признан выгодоприобретателем на основании единичной сделки по выводу «существенного актива должника», тогда как грамматически использованные в подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве слова «извлекало выгоду» (не «извлекло», а именно «извлекало») предполагают процесс длящийся, который можно толковать как намерение законодателя присваивать статус «контролирующих должника лиц» только тем,

кто контролирует должника на некоей постоянной основе. Последнее предположение противоречит существу законодательного регулирования и обосновано отвергается О.Р. Зайцевым [Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020, www]. Однако очевидно справедливое некоторых случаях широкое понимание понятия «выгода» конституционных и доктринальных требований к определенности положений нормативных актов об ответственности не снимает. Устанавливая «Методологические аспекты конституционного контроля», решением от 19.10.2021 Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что «в сфере частноправовых отношений... поддержание принципа формальной определенности закона, предполагающего определенность и конкретность его предписаний, позволяет обеспечить стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности». В том же решении, а также в других своих актах, высший суд конституционной юстиции ссылается на принцип формальной определенности, как на общеправовой (Постановления Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 № 13-П; от 05.02.2007 № 2-П; Определения Конституционного Суда РФ от 02.04.2009 N 471-О-П; от 16.12.2008 № 1054-О-П; от 03.07.2018 № 1676-О). С.С. Алексеев называет его «важнейшим свойством права» [Алексеев, 999, 37], отмечая, что «недаром право называют «правом». Основное значение этого крупного института в жизни людей заключается в том, чтобы, как говорил философ, определять дозволенное и недозволенное, т.е. определять юридические возможности людей, свободу поведения тех или иных субъектов» [там же, 29-30].

Отмечая неоднозначность (недосказанность) нормы в качестве неизбежного препятствия адекватному уяснению установленных законом правил (создающего предпосылки для их произвольного применения (Постановление Конституционного Суда РФ от 12.11.2024 № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда Московской области»), Конституционный Суд РФ подчеркивает, что механизм правового регулирования должен быть понятен субъектам правоотношений из содержания самого законоположения (или системы находящихся с ним в очевидной взаимосвязи других норм) (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева»). Фридрих Карл фон Савиньи писал, что «[к]ждый закон предназначен для того, чтобы установить природу правоотношения, т.е. высказать какую-либо мысль (будь она простой или сложной), благодаря чему существование этого правоотношения будет защищено от ошибки и произвола. И если указанная цель должна быть достигнута, то эту мысль должны четко и полностью понимать те, кто соприкасается с этим правоотношением» [Савиньи, 2011, 390]. Указывая на недопустимость нарушения фундаментальных конституционных принципов, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» декларирует, что «равенство всех перед законом и судом и равноправие могут быть обеспечены лишь при условии единообразного понимания и применения правовой нормы всеми правоприменителями», что «двусмысленность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного правоприменительного усмотрения, с неизбежностью ведет к произволу, а значит, к нарушению и принципа равенства, и принципа верховенства закона». «Не следует забывать, – пишет С.С. Алексеев, – что речь идет о понятии правонарушения, которое

должно давать ему всестороннюю характеристику» [Алексеев, 2010, 478].

Предусмотренное подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве основание для привлечения выгодоприобретателя к субсидиарной ответственности предполагает такое условие, как «извлечение выгоды». При этом закон не конкретизирует, является ли такое извлечение (само по себе) правонарушением (в контексте данной статьи). Из буквального прочтения нормы следует, что не является. Толковый словарь Даля толкует слово «извлекать» и в позитивном контексте [Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, [www](http://www.ruslang.ru)]. Ничего предосудительного не видят в юридическом факте «извлечения прибыли» и нормы ГК РФ. Являясь, к примеру, коммерческой организацией (самая распространенная в обороте организационно-правовая форма), выгодоприобретатель выступает в обороте юридическим лицом, преследующим извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности по пункту 1 статьи 50 ГК РФ. Абсурдно ожидать от участников гражданского оборота стремления совершать убыточные сделки. Устанавливая такой признак в качестве конституирующего (и единственного), законодатель, очевидно, не считает подобное «извлечение» действием противоправным. Аналогичный подход мы видим в пункте 1 статьи 1107 ГК РФ, где извлечение дохода признается не просто действием правомерным, но иногда даже желательным и обязательным («лицо, которое неосновательно получило или сберегло имущество, обязано возвратить или возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества с того времени, когда узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения»).

Говоря о выгоде, получаемой в результате совершения сделок по выводу активов должника, А.Х. Гольштейн справедливо отмечает, что «очень редко окажется, чтобы должник из одной злобы к кредитору распродает свое имущества. Отчуждает он его с той целью, чтобы самому воспользоваться выгодой. Это ближайшая его цель» [Гольмстен, 2019, 485]. Такое понятное утверждение основывается на том факте, что ни должник, ни стоящий за ним конечный бенефициар не заинтересованы в обогащении посторонних лиц. На практике такими выгодоприобретателями становятся подконтрольные лица того же конечного бенефициара, находящиеся с ним в сговоре сторонние покупатели или законопослушные участники оборота (от которых должник получает рыночное встречное предоставление (чаще в денежной форме), незамедлительно выводимое с банковских счетов должника в пользу структур конечного бенефициара) (По аналогии можно сослаться на правовую позицию Верховного Суда РФ по спорам о субординации, где «наиболее вероятной причиной» действий конечного бенефициара признается использование им, как лицом, контролирующим обе стороны сделки, «преимуществ своего положения» (пункт 4 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц»)).

Соглашаясь с утверждением А.Х. Гольштейна о преимущественно недопустимо эгоистическом поведении неплатежеспособных должников, не желающих платить по своим обязательства и совершающих сделки по отчуждению имущества исключительно к собственной выгоде, не можем не отметить, что ориентация правоприменителя исключительно на такой подход будет:

а) демотивировать законопослушных участников гражданского оборота исполнять обязательства (в ситуациях, когда их банкротство не кажется неизбежным).

б) подвергать субсидиарной ответственности тех добросовестных кредиторов, которые принимают исполнение от добросовестного должника.

Заключение

Очевидно, что подобные негативные последствия крайне нежелательны и законодателем в виду не имелись. Здесь нельзя не сослаться на обсуждавшуюся среди представителей доктрины вполне убедительную правовую позицию, согласно которой «при толковании необходимо остановиться на той мысли, которая нашла себе выражение в самой норме, и не доискиваться воли творца ее, которого мы не знаем и психический мир которого нам недоступен» [Шершеневич, 2017, 66]. Если в реальной практике (пусть и нечасто) имеет место законопослушное поведение, правопорядок не должен его уничтожать. Нельзя не согласиться с И.В. Горбашевым в том, что чрезвычайно сложно «изложить языком закона или судебного акта, чтобы не задеть невиновных» [Горбашев, 2018, 154-202] то правило, которое устанавливает субсидиарную ответственность выгодоприобретателя в банкротстве. Но в результате неполноты законодательного регулирования такая ответственность сегодня может быть возложена и на добросовестных участников гражданского оборота. Комментируя подобные случаи С.С. Алексеев прав, утверждая, что «самое страшное, губительное здесь заключается в том, что недостатки законов и все негативное, что с ними сопряжено, ... – находит оправдание в том, что все эти недостатки, негативы - «мелочи», которыми во имя достоинств закона, его верховенства и нерушимости принципа законности можно и пренебречь» [Алексеев, 2000, 89]. Мы солидарны с О.В. Гутниковым, который пишет: «Безусловно, кредиторам юридического лица необходимо предоставлять эффективную правовую защиту от злонамеренных действий учредителей (участников) юридического лица, обмана и мошенничества с их стороны» [Гутников, 2022, 48-67]. Характеризуя «главную задачу права», Я.М. Магазинер исходит из того, что «право бессильно парализовать всякое единичное нарушение нормы: его задача – организовать массовое поведение» [Магазинер, 2006, 115]. В нашем случае такая организацией осуществляется через упрощение процедур привлечения к субсидиарной ответственности (в том числе посредством введения презумпции виновности «выгодоприобретателя») (пункт 10 статьи 61.11 и подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве). Законодатель дает участникам оборота недвусмысленный сигнал о неизбежной наказуемости сделок по выводу активов должника. Но эта понятная потребность правопорядка наказывать правонарушителей не должна лишать защиты тех, кто таковыми не является. «Конечная цель права, по мысли Р. Йеринга, – защита конкретных интересов» [Карапетов, 2010, 48]. «Право без защиты – не право», подтверждает К.И. Скловский, указывая на фундаментальное значение данного принципа [Скловский, 2004, 14].

Библиография

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+Справоч. том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010.
4. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf>.
5. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020. Цикл онлайн-мероприятий «Субсидиарная ответственность в разрезе презумпций». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqNAw>.
6. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248-273.

7. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. М.: Издание книг. ком, 2019.
8. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154-202.
9. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 48-67.
10. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 1: Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. Статья Понятие справедливости (aequitas) в римской правовой традиции. М.: Статут, 2021.
11. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов; под редакцией В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
12. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Иоффе О.С. Избранные труды. Том 6. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
14. Карапетов А.Г. Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 4. С. 48.
15. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.
16. Коциоль Х. Гибкая система – золотая середина в законодательстве и доктрине. // Вестник гражданского права. 2016. № 6. С. 246-267.
17. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права; отв. ред. А.К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
18. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. 1 ; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.
19. Скловский К.И. Работа адвоката по обоснованию и оспариванию добросовестности в гражданский спорах. М.: ЛексЭст, 2004.
20. Степанов С.А. и др. (ред.) Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, 2001.
21. Суханов Е.А. (ред.) Гражданское право: учебник в 4 т. 2-е изд. перераб. и доп. Т. 1: Общая часть. Автор комментария А.А. Ягельницкий. М.: Статут, 2019. С. 521.
22. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <https://slovardalja.net/>
23. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 5: Учебник русского гражданского права; вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут. 2017.

Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph 4 of the Article 61.10 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)"

Talgat I. Safin

Postgraduate Student,
Department of Civil and Corporate Law,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 30-32 Kanala Griboedova emb.,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

Abstract

Establishing subsidiary liability in bankruptcy for individuals who have "benefited" from relationships with a debtor showing signs of objective bankruptcy, the legislator neglects key aspects of this legal construct. Currently, there is no clear definition of the term "beneficiary," which raises numerous questions for practicing lawyers and participants in civil circulation. The Supreme Court of the Russian Federation provides only abstract clarifications that do not cover all possible

Talgat I. Safin

situations arising in practice. This creates a significant risk of holding accountable honest participants who had no intention of causing harm to creditors. The uncertainty in law enforcement may lead to arbitrary decisions by courts and law enforcement agencies, which, in turn, undermines the stability and predictability of civil turnover. Thus, the lack of clarification regarding beneficiaries not only complicates law enforcement but also creates conditions for violating the constitutional rights of citizens, necessitating careful analysis and refinement of legislation in this area.

For citation

Safin T.I. (2025) Nekotorye voprosy primeneniya podpunkta 3 punkta 4 stat'i 61.10 Federal'nogo zakona "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) " [Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph 4 of the Article 61.10 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)"]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 419-428.

Keywords

Principle of formal certainty of the law, "benefit extraction", withdrawal of assets of the debtor, subsidiary liability in bankruptcy, gaps in the law, problems of proof.

References

1. Alekseev S.S. (1999) Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of a Comprehensive Study. Moscow: Statut., pp. 29-30, 37, 112.
2. Alekseev S.S. (2000) Law on the Threshold of a New Millennium: Some Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era. Moscow, Statut Publ., pp. 89, 117.
3. Alekseev S.S. (2010) Collected Works. In 10 volumes [+Reference volume]. Volume 1: Civil Law: Works from 1958–1970. Moscow: Statut Publ.
4. Bankruptcy in Russia. Statistical Bulletin of the Federal Resource. Available at <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf>.
5. Dozhdev D.V. (1996) Roman Private Law: a textbook for universities; edited by V.S. Nersesyants. Moscow: INFRA -M-NORMA,.
6. Dozhdev D.V. (2021) The European Tradition of Private Law: Studies in Roman and Comparative Law: in 2 volumes. Volume 1: Law, Justice, Legal Science. Good Faith. Property Rights and Possession. Article The Concept of Justice (aequitas) in the Roman Legal Tradition. Moscow: Statut Publ.
7. Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl. Available at: <https://slovardalja.net>.
8. Golmsten A.Kh. (2019) The doctrine of the creditor's right to refute legal acts committed by the debtor to his detriment in modern legal literature / edited by A.G. Smirnykh. Moscow: Publishing books. Com Publ.,
9. Golubtsov V.G. (2020) Subsidiary liability of persons controlling the debtor: evolution of legislative approaches. Bulletin of Perm University. Legal sciences, 2, pp. 248-273.
10. Gorbachev I.V. (2018) On some substantive aspects of bringing to subsidiary liability in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. Bulletin of civil law, 4, pp. 154-202.
11. Gutnikov O.V. (2022) Subsidiary liability in corporate legal relations: problems and prospects. Journal of Russian law, 7, pp. 48-67.
12. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Methodological Aspects of Constitutional Review (for the 30th Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)". Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10/19/2021. SPS Consultant.
13. Ioffe O.S. (2003) Selected Works. Volume 10. Liability under Soviet civil law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ.
14. Karapetyan A.G. (2010) Politics and Dogmatics of Civil Law: Historical Essay. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 4, p. 48.
15. Karapetyan A.G. (2016) Economic Analysis of Law. Moscow: Statut Publ.
16. Kotsiol H. (2016) Flexible System – the Golden Mean in Legislation and Doctrine. Bulletin of Civil Law, 6, pp. 246-267.
17. Magaziner Ya.M. (2006) Selected Works on the General Theory of Law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ.
18. Savigny F.K. von. (2011) The System of Modern Roman Law. Vol. 1 / Translated from German. G. Zhigulina; edited

Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph ...

- by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow: Statut Publ.
19. Shershenevich G.F. (2017) Selected. In 6 volumes. Volume 5: Textbook of Russian civil law; introduction, compiled by: P.V. Krashennnikov. Moscow: Statut Publ.
 20. Sklovsky K.I. (2004) The work of a lawyer on substantiating and challenging good faith in civil disputes. Moscow: LexEst Publ.
 21. Stepanov S.A. et al. (eds.) (2001) Civilistic notes. Interuniversity collection of scientific papers. Moscow: Statut Publ.
 22. Sukhanov E.A. (ed.) (2019) Civil law: textbook in 4 volumes. 2nd ed. revised and enlarged. Vol. 1: General part. Commentary by A.A. Yagelnitsky. Moscow: Statut Publ.
 23. Video recording of the meeting of the "Bankruptcy Club" dated 03.12.2020. Cycle of online events "Subsidiary liability in the context of presumptions". Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw>).